

НА ФОНТАНКЕ

Снова мост увидишь конский,
Ноги сами приведут.
Дождик лепетный чухонский
Помолотит пять минут.

Воронье кони Клодта,
Что им жизни скудный пыл!
Не впервой залетный кто-то
На Фонтанке водку пил.

И, оглядывая реку,
Ускользая зыбь и дрожь,
К восемнадцатому веку
Или к детству повернешь?

Может быть, пойти направо,
Где Фонтанный старый дом
Населили страх и слава
В ожидании седом?

Или там, где стынут кони,
Задержаться на мосту
И уплыть на этом фоне
В золотую пустоту?

ЛЕНИНГРАДСКОЕ

Е. Рейну

Вижу лицо продавщицы
Из букинистики той,
Где пролистал я страницы
Книги любви золотой.

Михаил Синельников родился в 1946 году в Ленинграде, в семье, пережившей блокаду. Отец — журналист, в молодости член Союза поэтов, мемуарист («Молодой Заболоцкий», «Вечер Мандельштама» и др.). Мать в войну — директор детского дома сирот блокады. Ранние годы провел в Средней Азии. Живет в Москве. Автор 27 поэтических сборников, сотен статей о поэзии, переводчик классической и современной поэзии Востока, составитель многих хрестоматий и антологических сборников. Стихи переведены на многие языки, отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии и Японии. Академик РАЕН и Петровской академии, лауреат премии Бунина, премии Дельвига, премии Арсения и Андрея Тарковских, государственной премии Таджикистана имени Рудаки и многих других отечественных и зарубежных премий.

В лавочке около арки
Все озаряла она.
Часто сменялись товарки,
Но волновала одна.

Я же, мальчишка без денег,
Опыта, дома, ума, —
Только заезжий бездельник,
Перебиравший тома.

Тени прошли тиховейно
Из миновавших времен...
В девушку Бродского, Рейна
Был я, как видно, влюблен.

Если бы сблизился с ними,
Все бы иначе пошло.
Вот я с путями своими!
Думаю, мне повезло.

Только брожу до упаду
По перепутьям чужим,
Где превратился в громаду
Судеб струящийся дым.

Трогаю я переплеты
Позже накупленных книг.
Только из поздней дремоты
Мир отзвучавший возник.

Только под аркой Генштаба
Вихри на площадь текут,
В небо, где зыблется слабо
Властный над Зимним лоскут.

* * *

О, город, рыдавший от грома парада,
От мира, утрат и тепла,
Когда горделиво и бодро громада
Вернувшейся армии шла!

Где прежде какие-то тени в метели,
Дрожа и качаясь, прошли,
Где ели детей или мысленно ели,
И вот уж все это вдали.

И тот, кто неловко палил по трамваю,
В котором проехал отец,
Должно быть, примерз к ледяному припаю,
И привкус крапивы у щец.

Но рыхлого хлеба остистые граммы
В музее легли под стекло,
И голуби вьются, и четкие гаммы
Во двор с чердака отнесло.

И здесь я родился, и жизнь пролетела,
И в новых времен пустоту
Трамвая торопится гулкое тело,
И жимолость снова в цвету.

* * *

Влюбленность длительная эта —
Прикосновенья в беге дней,
А иногда и до рассвета
Тоска бессонная о ней.

Ни предначертанной награды,
Ни лишних слов наедине
И лишь уклончивые взгляды
При недогадливой родне.

Но эти странные свиданья,
В застольях наплывавший зной
Важнее были обладанья
В своей горячности сквозной.

Оно бы жажду утолило
И не дало перебороть
Лишь от безудержности пыла
Преобразившуюся плоть.

ПТИЦЫ

Я щебет слышал домовитый
Снующих ласточек в краю,
Где храма выщерблены плиты
И гонит Инд волну свою.

И месяца через четыре
Все тот же частый свист и писк
Звучал в моем привычном мире
Весенних луж, веселых брызг.

И свежий прибывает воздух,
Над рошей радостной разлит,
И шумно в иволгиных гнездах,
И жизнь в скворечниках бурлит.

Люблю грачей прилет кипучий,
И ненароком сердце рвет
Их, поднимающийся тучей,
Опустошающий отлет.

Я сам к неведомым долинам
Летел в мечтах на край земли,
Когда колеблющимся клином
Тянулись в небе журавли.

Но в годы позднего наитья,
В их одинокой тишине
Стал верность более ценить я,
И постоянство мило мне.

И на снегу в глухую пору
Отрадно так блеснет, горя,
Усталому ответит взору
Нагрудник алый снегиря.

* * *

О восторгах былых и обидах
Не забудешь, пока не иссох.
Иногда замедляется выдох
И горящим становится вдох.

Ты бежишь от излишка свободы
В поле, прошлым засеянном сплошь,
И объявшаю все эти годы
Душу времени в легких несешь.